

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б97

Серия «Шелдон-exclusive»
Tilly Bagshawe
SIDNEY SHELDON'S THE TIDES OF MEMORY

Перевод с английского *Т. Перцевой*
Компьютерный дизайн *К. Щербаковой*

Печатается с разрешения
Sidney Sheldon Family Limited Partnership
и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Бэгшоу, Тилли.

Б97 Сидни Шелдон : Узы памяти : [роман] /
Тилли Бэгшоу ; [пер. с англ. Т. Перцевой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. —
(Шелдон-exclusive).

ISBN 978-5-17-092950-4

Алексия Де Вир — решительная и очень красивая женщина — казалось бы, добилась всего, о чем мечтала. Она счастлива в браке с супругом-аристократом, у нее двое детей, ее карьера на взлете, от нее зависят жизни многих людей.

Кто бы мог подумать, что именно теперь, когда ничто не омрачает ее счастья, судьба нанесет ей удар в спину?

Прошлое, в котором скрыта тайна, способная разрушить все, что построила Алексия, внезапно возвращается. И теперь, чтобы выстоять, ей придется забыть о гордости, престиже, власти и решить, что для нее действительно важно и чем она готова пожертвовать ради своих близких...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Sheldon Family Limited Partnership,
successor to the rights and interests
of Sidney Sheldon, 2013

ISBN 978-5-17-092950-4

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Хизер Хартс.
С любовью*

Пролог

— Что-то еще, министр внутренних дел?

Алексия де Вир улыбнулась. «Министр внутренних дел». Самые прекрасные слова в английском языке. Если не считать «премьер-министра», разумеется.

Новая суперзвезда партии тори мысленно рассмеялась над собой. «Не все сразу, Алексия. Шаг за шагом...»

— Нет. Спасибо, Эдвард. Если понадобится, я вас позову.

Сэр Эдвард Мэннинг, кивнув, вышел. Старейший государственный служащий и бастион вестминстерского политического истеблишмента Мэннинг был высоким, седым и таким же негнушимся, как спичка. На ближайшие месяцы сэру Эдварду предстоит стать ближайшим компаньоном Алексии де Вир. Его дело — советовать, предупреждать, умело вести по лабиринту политических интриг и амбиций в министерстве внутренних дел. Но сейчас, в первые часы своей деятельности, Алексия де Вир хотела побыть одна, без свидетелей насладиться сладким вкусом победы, посидеть и понежиться в лучах своей власти. Что ни говори, а она это заслужила.

Встав из-за письменного стола, министр стала обходить новый офис, огромное помещение, почти на вершине одной из готических башен Вестминстерского дворца. Интерьер был не столько роскошен, сколько функционален. Пара одинаково уродливых коричневых диванов (их нужно убрать), простой письменный стол со стулом на другом конце и книжный шкаф, набитый пыльными, ни разу не раскрытыми томами по политической истории. Но все это

казалось неважным и ненужным, стоило лишь обозреть расстилавшийся за окнами вид. Слово «великолепный» казалось жалким описанием панорамы Лондона за высокими, от пола до потолка, окнами. Тут было все — от башен Кэнери-Уорф на востоке до особняков Челси на западе. Вид, говоривший только об одном: власть.

Власть, отныне принадлежавшая ей.

«Я министр внутренних дел Великобритании. Второй по важности и значению член правительства ее величества».

Как это случилось? Как незначительный и к тому же крайне непопулярный заместитель министра тюрем* ухитрилась перескочить через головы других достойных кандидатов постарше и заполучить столь престижную должность? Бедняга Кевин Ломакс, министр торговли и промышленности, скрежетал пожелтевшими от кофе зубами.

При этой мысли у Алексии стало тепло на душе. «Старое чванливое ископаемое. Списал меня со счетов сто лет назад. И кто смеется последним?»

Пригвожденная к позорному столбу прессой за богатство, аристократическое происхождение и прозванная в таблоидах железной леди, Алексия представила в парламент билль судебной реформы вынесения приговоров и наказаний, разгромленный членами парламента, принадлежавшими к обеим партиям, и заклеянный как «безжалостный и жестокий». Приговоры без права на условно-досрочное освобождение уместны в Америке, варварской стране, где все еще казнят осужденных. Но здесь, в цивилизованной Великобритании, это не пройдет. По крайней мере, так говорят. И все же, получив хороший пинок, все проголосовали «за».

«Трусы. Трусы и лицемеры, все до одного».

* В некоторых странах эта должность называется «статс-секретарь», то есть заместитель министра. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Алексия де Вир знала, насколько непопулярной стала из-за этого билля. Непопулярной у коллег, у прессы, у избирателей с низкими доходами. Поэтому была шокирована не меньше остальных, когда премьер-министр Генри Уитмен назначил ее министром внутренних дел. Однако она недолго раздумывала над своим назначением. Главное — сам факт. Остальное роли не играет.

Алексия вынула из коробки несколько семейных фотографий. Она предпочитала не смешивать работу и частную жизнь, но в наши дни очень модно быть чувствительной и сентиментальной, а держать на столе семейные снимки стало почти обязательным.

Ее дочь Рокси в восемнадцать лет. Белокурая головка откинута, улыбающееся лицо светится весельем. Как Алексии не хватает этого смеха! Снимок, конечно, сделан до несчастного случая.

Несчастный случай...

Алексия ненавидела этот эвфемизм, стремление приукрасить попытку самоубийства, прыжок с третьего этажа, навсегда приковавший Рокси к инвалидному креслу. По мнению Алексии, надо называть вещи своими именами, но Тедди, ее муж, настоял на своем.

«Дорогой Тедди. Он так деликатен».

Алексия с улыбкой поставила рядом с фото дочери портрет Тедди, ничем не выдающегося грузного мужчины средних лет с редеющими волосами и вечно красным лицом. Тедди де Вир, похожий на уютного плюшевого мишку, с сияющей улыбкой смотрел в камеру.

«Без него моя жизнь была бы совершенно иной. Я стольким ему обязана!»

Конечно, Тедди не единственный, кому Алексия была обязана своим везением. Был еще и Генри Уитмен, тори и новый премьер, самовольно назначивший себя ее политическим ментором. А где-то далеко-далеко был еще один человек. Славный человек. Тот, кто очень помог ей.

Но она не должна о нем думать. Не сейчас. Не сегодня.

Сегодня день триумфа, праздник. Времени на сожаления не остается.

На третьем снимке был Майкл, сын Алексии. Как красив этот мальчик с темными локонами, сланцево-серыми глазами и лукавой улыбкой, способной растопить любое женское сердце! Иногда Алексия думала, что Майкл — единственный человек на свете, которого она любила преданно и безусловно. Когда-то Рокси тоже входила в эту категорию, но возникшая между ними распря непоправимо отравила их отношения.

После фотографий настала очередь поздравительных открыток, прибывавших непрерывным потоком, с тех пор как два дня назад объявили о шокирующем назначении Алексии. Большинство было скучными официальными приветствиями от лоббистов или постоянных парламентских зевак с изображением бутылок шампанского, льющейся из горлышек пеной или бездарных цветочных натюрмортов. Но одна привлекла взгляд Алексии. На фоне американского флага была золотом выведена аляповатая надпись: «Ты скала!»

Алексия развернула открытку.

«Поздравляю, дорогая Алексия! Так взволнована и так горжусь тобой! С любовью. Люси. Целую».

Алексия широко улыбнулась. У нее было очень мало подруг... вообще очень мало друзей, но Люси Мейер являла собой подтверждающее правило исключение. Соседка по Мартас-Вайнъярд, где у Алексии был летний домик (Тедди влюбился в остров, еще учась в Гарвардской школе бизнеса), — Люси Мейер стала ей почти сестрой. Типичная домохозяйка, хотя очень обеспеченная, и такая же типичная, как яблочный пирог, американка. Ребячливая и одновременно обладающая сильнейшим материнским инстинктом, она была из тех женщин, которые ставят в электронных письмах множество восклицательных знаков и пишут «i» не с точкой, а с кружочком наверху. Сказать, что у Люси Мейер и Алексии де Вир мало общего, все равно что не сказать ничего. И все же

дружба обеих женщин, закаленная за многие летние месяцы, прошедшие в Мартас-Вайнъярд, пережила все подъемы и спады безумной политической жизни Алексии.

Стоя у окна, Алексия смотрела на Темзу. Отсюда, с высоты, река выглядела спокойной и величественной, медленно извивающейся серебряной лентой, прокладывающей бесшумный путь через город. Но женщина знала, какими смертоносными могут быть глубинные течения. Даже сейчас, в сорок девять лет, на пике карьеры, Алексия не могла смотреть на воду без дрожи дурного предчувствия. Она нервно крутила на пальце обручальное кольцо. «Как легко все это может быть смыто и унесено! Власть, счастье. Сама жизнь. Одно мгновение, одно неосторожное мгновение — и все исчезло!»

Громко зазвонил телефон.

— Простите, что беспокою, министр внутренних дел, но на первой линии — Даунинг-стрит, десять. Полагаю, вы ответите на звонок премьер-министра?

Алексия тряхнула головой, отгоняя призраков прошлого:

— Разумеется, Эдвард. Соедините нас.

К югу от реки, менее чем в миле от просторного вестминстерского офиса Алексии де Вир, но так далеко, словно на другой планете, в кафе «Мэггис» сидел Гилберт Дрейк, сторбившийся над яичницей с беконом. Классическая британская забегаловка с никогда не мытыми окнами и дражным линолеумом на полу, «Мэггис» была весьма популярной столовкой для таксистов и строительных рабочих, заходивших позавтракать по пути на утреннюю смену. Гилберт Дрейк, постоянный посетитель, по утрам чаще всего был болтлив и улыбчив. Но не сегодня. Уставясь на газетный снимок с таким ужасом, будто увидел призрак, он прижал пальцы к вискам.

«Этого быть не может! Как же так вышло?»

Вот она, перед ним, эта сука Алексия де Вир — улыбается в камеру и пожимает руку премьер-министру!

Гилберт Дрейк никогда не забудет это лицо, сколько бы ни прожил. Гордый вид, выдвинутый подбородок, презрительный изгиб губ, холодный, стальной блеск голубых глаз, таких же красивых, пустых и бессердечных, как у куклы. Подпись под снимком гласила: «Новый министр внутренних дел Британии начинает работу».

Чтение статьи причиняло боль, словно бередило только что зажившую рану, но Гилберт Дрейк заставил себя продолжить.

«Вчера новым министром внутренних дел была назначена бывший заместитель министра тюрем Алексия де Вир, что крайне удивило не только членов парламента и правительства, но и СМИ. Премьер-министр Генри Уитмен назвал миссис де Вир «звездой» и «центральной фигурой» в своем кабинете нового типа. Кевин Ломакс, министр торговли и промышленности, которому прочили это место, после того как бывший министр внутренних дел Хамфри Кру подал в отставку, заявил репортерам, что он счастлив услышать о назначении миссис де Вир и что ему не терпится начать с ней работу.

Гилберт Дрейк, брезгливо морщась, свернул газету.

Санджай Пател, лучший друг Гилберта, погиб из-за этой суки. Санджай, защищавший Гилберта от школьных хулиганов, а потом и на строительстве, Санджай, который трудился с рассвета до заката, чтобы на семейном столе была еда, и улыбкой встречал все жизненные разочарования, Санджай, которого несправедливо обвинили, посадили в тюрьму, подставили полицейские только за то, что он пытался помочь кузену избежать преследования, теперь мертв. А эта шлюха, эта волчица Алексия де Вир, высоко вознеслась, став любимицей Лондона.

Но этого не будет. Гилберт Дрейк не допустит.

«Возрадуется праведник, когда увидит отмщение; омоет стопы свои в крови нечестивого».

Мэгги, владелица кафе, давшая ему свое имя, подлила Гилберту чая в кружку.

— Ешь, Гил. Твоя яичница остывает.

Гилберт Дрейк не слышал ее. В ушах звучал голос Санджая Патела, молившего о мести.

* * *

Шарлотта Уитмен, жена премьер-министра, повернулась на бок и погладила грудь мужа. Четыре утра, а Генри так и не уснул. Уставился в потолок с видом смертника, стоящего перед расстрельной командой.

— Что с тобой, Генри? Что случилось?

Генри Уитмен накрыл руку жены своей.

— Ничего. Просто бессонница. Прости, если разбудил.

— Но ты скажешь мне, если возникнут проблемы, правда?

Он привлек ее к себе:

— Дорогая Шарлотта! Я премьер-министр. Моя жизнь — сплошные проблемы, которым конца и края не видеть.

— Ты понимаешь, о чем я. О настоящей проблеме. Той, с которой ты не сможешь справиться.

— У меня все в порядке, дорогая. Честное слово. Постарайся снова заснуть.

Скоро Шарлотта крепко спала. Генри смотрел на жену. В ушах звенели ее слова: «Той, с которой ты не сможешь справиться».

Благодаря ему лицо Алексии де Вир красовалось на первых страницах газет. Слухи о ее назначении ходили разные, но никто ничего не знал. Никто, кроме Генри Уитмена. А эту тайну он намерен унести в могилу.

Стала ли Алексия проблемой, с которой он не сумеет справиться? Генри Уитмен искренне надеялся, что это не так. Но во всяком случае, уже слишком поздно. Назначение состоялось. Дело сделано.

Новый премьер Британии промаялся до рассвета. Впрочем, он ничего другого не ожидал. Нет отдыха для грешных...

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Кеннебанкпорт, Мэн, 1973 год

Билли Хэмлин проводил взглядом семерых малышей в плавках, с визгом бегущих к воде, и ощутил прилив счастья. Не одни мальчишки любили проводить лето в Кэмп-Уильямсе.

Повезло Билли получить эту работу. Большинство водителей лагеря учились в университетах «Лиги плюща». Такеры, Мортимеры и Сэндфорд-Райли-Третьи проводили время в лагере в «промежутке» между Гарвардским колледжем и Гарвардской школой бизнеса, или в женском варианте — дочери богатеньких папаш после окончания колледжа и до замужества обучали плаванию умненьких сыночков нью-йоркской элиты. Билли Хэмлин в их круг не вписывался. Его отец был плотником, прошлой осенью строившим новые летние домики в Кэмп-Уильямсе и сумевшим сделать протекцию своему мальчику.

— Встретишься с интересными людьми, — сказал Джефф Хэмлин Билли. — Богатыми. Теми, которые сумеют тебе помочь. Тебе нужны связи.

Па Билли свято верил в связи. Почему он вообразил, будто лето, проведенное среди избалованных банкирских сыновей, поможет его обаятельному, ничего не умеющему и совершенно неамбициозному мальчику продвинуться в жизни, оставалось полной тайной. Не то чтобы Билли жаловался. Днем он торчал на пляже, дурачился с милыми маленькими детками. А по вечерам... в лагере было легче раздобыть наркоту, выпивку и то, что его бабушка называла

женщинами легкого поведения, чем в новоорлеанских борделях. В свои девятнадцать лет Билли Хэмлин умел немного. Но точно знал, как развлечься на всю катушку.

— Бивви! Бивви! Пойдем игвать!

Грейдон Хэммонд, кривоногий семилетний парень, не выговаривавший половины букв в алфавите из-за пяти выпавших передних зубов, махал руками, зовя Билли в воду. Когда-нибудь Грейдон унаследует контрольный пакет акций в «Хаммонд банк», инвестиционном банке, стоившем больше, чем многие малые африканские страны, вместе взятые. Подзывать к себе людей жестом станет одной из главных примет Грейдона. Но пока он был таким милым и добрым парнем, что трудно устоять перед просьбой.

— Грейдон, оставь Билли в покое. У него выходной. Я сама поиграю с тобой.

Тони Гилетти, общепризнанный секс-символ лагерных вожатых, опекала группу Грейдона. Наблюдая, как Тони вбегает в прибой, красуясь идеальным загорелым телом, на котором едва не лопались стринги бикини, Билли чуть не сгорел от стыда, чувствуя, как эрекция распирает плавки от Фреда Перри. Ничего не оставалось, кроме как самому нырнуть в воду, используя океан в качестве фигового листа.

Как и все остальные парни в лагере, Билли безумно хотел Тони Гилетти. Но в отличие от других он почти ее любил. Однажды они переспали, в самую первую ночь в лагере, и, хотя Билли так и не сумел убедить Тони встретиться еще раз, все же понял, что ей понравилось и что он тоже ей симпатичен. Как и юноша, Тони не принадлежала здешнему кругу. Она не была дочерью работяги, ее старик владел сетью процветающих магазинчиков по продаже электроники. Но девушка не была и жеманной первокурсницей из Уэллсли или Вассара, а — буйным подростком, ищущим острых ощущений и приобретшим привычки нюхать кокаин и заводить самых неподходящих любовников, что завело ее в крутой переплет на родине, в Коннектикуте. Ходили слухи, что она избежала

срок за мошенничество с кредитными картами только потому, что ее отец Теодор Гилетти дал на лапу судье и пожертвовал сумму с семью нолями на новый бар и душевую в местном загородном клубе. Вроде бы Тони укра-ла у соседа золотую карту «Американ экспресс», чтобы содержать последнего бойфренда и по совместительству драгдилера в роскоши, к которой тот привык. Семья Гилетти отправила дочь в Кэмп-Уильямс в качестве последнего средства, наверняка надеясь, как и отец Билли, что Тони приобретет связи, позволяющие ей добиться лучшего будущего, в ее случае — подцепить порядочного, хорошо воспитанного белого парня, в идеале — с гарвардской степенью.

Тони выполнила половину плана, добросовестно переспав с каждым гарвардским выпускником в лагере, по крайней мере с теми, которые не были откровенно омерзительны физически, прежде чем остановиться на Чарлзе Брема-ре Мерфи, самом богатом, самом красивом и, по мнению Билли, самом одиозном из всех. Сегодня Чарлз проводил время на родительской яхте. Семья Бремар Мерфи остано-вилась вблизи от лагеря по пути в Ист-Хэмптон, и миссис Крамер, начальница лагеря, дала Чарлзу один выходной. Билли до чертиков раздражало пресмыкательство старухи Крамер перед богатыми детками. Но нет худа без добра. От-сутствие Чарлза дало Билли прекрасную возможность бес-препятственно пофлиртовать с Тони Гилетти и попытаться убедить ее, что еще одна ночь страсти с ним будет куда более удовлетворительной, чем перепахон с ее надутым ин-дюком-бойфрендом.

Он уже знал, что шанс есть. Тони была вольна духом, с либидо, как у дикой кошки. Всего несколько дней назад она самым наглым образом вешалась на Билли прямо пе-ред носом Чарлза, очевидно, дерзко пытаясь заставить того ревновать. Это сработало. Позже Билли подслушал, как Чарлз допрашивал Кассандру Дрейтон, еще одну девчон-ку, о которой было точно известно, что она спала с Билли, чем тот так привлекает девушек.

— Что такого в этом Хэмлине? Почему телки от него тащатся? — рассерженно допытывался Чарлз.

— Тебе ответ в дюймах или футах? — сладко улыбнулась Кассандра.

— Он гребаный плотник, черт бы его побрал! — захлебывался Чарлз.

— Иисус тоже был сыном плотника, дорогой. Не злись, тебе не к лицу. И плотник не он, а его отец. Билли просто здорово трахается. И, клянусь, знает, что делает.

Как ни приятно было слышать дифирамбы Кассандры, правда заключалась в том, что Тони Гилетти так и не позволила Билли уложить ее во второй раз. И чем дольше она держалась, тем сильнее Билли ее хотел.

Таких, как она, у него еще не было. Не только дикая кошка в постели, но остроумна, умна, не говоря уж о выразительной мимике и прирожденном актерском таланте. Ее пародии на миссис Крамер заставляли остальных вожаких смеяться до слез. Тони была смелой. Куда смелее, чем он. У нее точно «есть яйца» и уж побольше, чем у него, несмотря на все комплименты Кассандры. Для Чарлза Тони была призом, игрушкой, которая могла развлекать его все лето. Для Билли Хэмлина она была всем. Хотя он никому не признался бы, что влюблен по уши и намерен не только переспать с Тони, но и жениться на ней.

Тони наблюдала, как Билли ныряет в воду. «Только взгляните на эту фигуру! Какое сложение!» Она обожала смотреть, как мышцы перекачиваются на широкой спине пловца, как мощные руки без усилий рассекают воду, подобно двум ятаганам, разрезающим шелк. Чарлз был по-своему хорош, с четкими чертами лица типичного богатенького студента. Но в нем не было ни капли откровенной, бьющей через край чувственности, животного магнетизма, вечного эротического голода хищного зверя, сочившихся, как пот, из всех пор Билли. Зато у Чарлза был трастовый фонд размером с Канаду. С каждым днем Тони все труднее было решить, кого она хочет больше: юного бога любви Адониса или местного Креза?